

В нашей стране больная политика, зато все хорошо с литературой

На прошедшем этим летом фестивале "Кинотавр" Роман КАЧАНОВ получил за картину "ДМБ" сразу два журналистских приза: гильдии российских критиков и жюри ФИПРЕССИ. Это был первый случай такого рода за всю историю фестиваля. Сейчас по мотивам "ДМБ" собираются делать сериал, но Роман к нему отношения не имеет: он снимает новую картину с необычным названием "Даун Хаус". Сценарий написан Романом Качановым и Иваном Охлобыстиным, а в основе его лежит роман Федора Михайловича Достоевского "Идиот". Действие перенесено в наши дни, и, сообразно нашим дням изменены речь, одежда и манера поведения персонажей.

— Ты заканчивал сценарный факультет. Много ли сценариев тобою написано, и почему в результате ты ушел в режиссуру?

— Из сценариев у меня была одна нетленка — фильм Ивана Охлобыстина "Чушь, или Рассказ ни о чем". Анимационных было штук десять. По правде говоря, у меня непоставленным ничем не осталось. А в режиссуру меня привело скромное желание быть главным. Совершенно по-детски это формулируется: сценарист главный, но режиссер главный.

— Роман Качанов-старший, твой отец — известный режиссер-аниматор, создатель "Чебурашки". Ты пошел в кино по его примеру?

— Один дедушка у меня был сапожник, а второй революционер. Я вполне мог бы пойти по примеру дедушки в сапожники. Но я вырос в кино, ходил на студии, и все произошло автоматически. Я до какого-то возраста вообще не представлял, что можно чем-то другим заниматься. Мне казалось, что все люди, которые ходят по улице, либо идут в кино, либо его делают — что, в общем-то, было почти правдой. А папа всегда настаивал, чтобы я пошел в директора картины. Может, и прав был, но не слушал я папу.

— Роман, а насколько целесообразно было Достоевского омолаживать? И почему именно Достоевского?

— Когда я монтировал "ДМБ", то стал замечать, что все время думаю об "Идиоте". Он просто возник. Мог бы возникнуть Чехов с "Чайкой" — и я снимал бы "Чайку". Но возник Достоевский с "Идиотом". А подсознание — такая штука, что ему в правильном принятии решений тоже отказываться нельзя. А омолаживать Достоевского было необходимо. Времена сейчас эпические. Потом наша жизнь будет освещена самыми разными художниками, много романов будет, повестей, поэм и опер. Но когда ты присутствуешь в этих переменах, очень сложно их описывать. Ты не можешь дать знак времени, потому что этот знак времени может переменитьсь. Но для того, чтобы взглянуть на эти перемены со стороны, имеет смысл взять какую-то вечную вещь и переосмыслить ее.

— "Даун Хаус" какой по счету твой фильм?

— Второй с половиной.
— Почему с половиной?
— Первый фильм "Не спрашивай

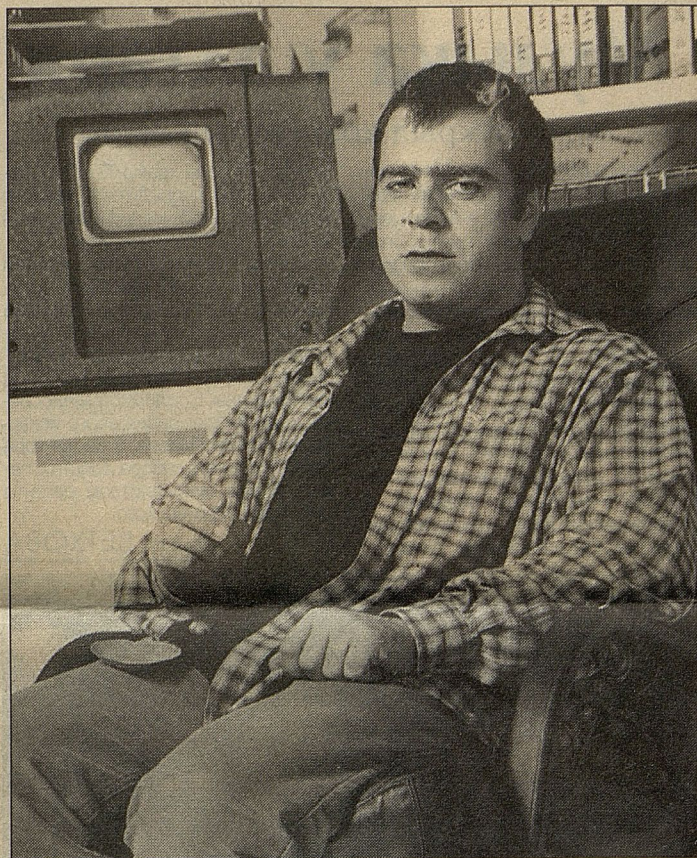
меня ни о чем" я делал в соавторстве. Это было в девяносто первом году, мне было двадцать четыре, и снимали мы в Латвии. Моим сорежиссером и сценаристом был Иван Бирюков. Это у нас был дебют. Проба пера. Тогда, в 1991-м, как раз начиналась настоящая экономическая свобода, каждый мог начать снимать кино. А в 1992 году у нас деньги на фильм закончились, к тому же мы ужасно рассорились, и фильм остался на двух пленках. Им потом кто-то занялся и даже выпустил в прокат. И тогда же я снял фильм "Урод" по сценарию Охлобыстина. Его взяли на "Кинотавр" и по телевизору показали. Но тогда все разваливалось, и впоследствии я не мог обнаружить следы негатива этого фильма. А потом понял, что меня очень изматывали съемки — была гайдаровская реформа, безденежье, страшное напряжение на площадке, хотелось фильм бросить. Но я довел его до конца и уже не снимал кино до 1999 года, до "ДМБ". Ушел в рекламу.

— Какая у тебя самая знаменитая реклама?

— Их две. Одна — для фирмы "Большая медведица". И для буржуев снял рекламу сигарет "Лолита", она ушла в Америку. И еще я снял массу мелочи. Мелочь хорошо снимать — ответственности мало, времени свободного много, и чувствуешь себя вольным человеком на зеленой круглой Земле. А сейчас, снимая кино, в прямом смысле слова чувствую себя чернорабочим. Сегодня столы какие-то таскал...

— Возвращаясь к "Идиоту". Вот режиссер Баз Лурман переосмыслил "Ромео и Джульетту", и многие восприняли это как оскорбление классики.

— Я вообще не понимаю, как можно обижаться на то, что переделали Шекспира. Он же сам переделывал фоллио, написанные за пятьсот лет до него. Делал он их лучше или хуже, никто не знает, эти фоллио никто не читал. Есть вещи, которые просто просятся, чтобы их перенесли в нынешние времена. В нашей стране больная политика, зато все хорошо с литературой. У нас много писателей на все времена. А Достоевский от них для меня выгодно отличается своим болезненным сознанием и любовью ко всему человечеству в сочетании с мизантропией к каждому отдельному человеку, включая и самого себя. Он разлагивал под

микроскопом каких-то насекомых, очень мало похожих на людей. И этим самым он очень подходит к нашему времени, потому что такой разгул подлости и низости, который у нас сейчас творится, еще десять — пятнадцать лет тому назад было сложно себе представить.

— И кто же будет в твоём фильме играть?

— Князя Мышкина играет Федор Бондарчук. Это произошло по нескольким причинам. Он мой старинный товарищ, и я примерно понимаю, как у него складываются мысли в голове. А потом, при всей своей популярности, он не примелькался. Ваня Охлобыстин одним из условий сотрудничества мягко выдвинул, что он будет играть Парфена Рогожина, и у меня не возникло возражений. Настасья Филипповна играет молодая актриса Анна Букловская. Молодая — чтобы никого не обидеть, потому что многие актрисы видят себя Настасьей Филипповной. А во-вторых, потому что она моя жена. И тут включается вопрос экономики — если у тебя жена актриса, то с ней всегда можно договориться о цене: фильм у нас малобюджетный. А потом, когда тебя приглашают на фестивали, то просто жене надо билет покупать, а актрису приглашает администрация фестиваля. Да-а... (Смеется.) Конечно, я пригласил ее потому, что Анна замечательная актриса.

— Я думаю, что многие удивятся, что Бондарчук играет Мышкина, а Охлобыстин — Парфена, а не наоборот.

— Именно поэтому и играют. Если все видят Охлобыстина Мышкиным, а Бондарчука Рогожиным, значит, делать надо все наоборот. Существует такая вещь, как контрапункт. Мы с Ваней писали сценарий вместе, и у нас была возможность это обсудить. Обычно, если сценарист собирается играть в фильме, то он под себя пишет роль, занимает ее, как место на пляже, и говорит: вот на этот топчан не ложиться! Я никогда не представлял Охлобыстина Мышкиным. Потому что он не Мышкин. А Федя очень даже Мышкин.

— Почему?

— Когда я позвонил Феде: "Я тебя приглашаю сыграть роль Мышкина", он сказал: "Здорово, я уже играл в "Идиоте". Потом подумал и говорит: "Нет, это были "Бесы". Мне очень дороги такие люди. Потому что он не выпендривался, не говорил, что подзабыл... Просто перепутал. Федя очень начитанный человек, но в то же время он сохранил нормальную детскую реакцию. Я не буду скрывать, что по поводу Мышкина у меня было очень много размышлений, и Федя, за счет своей противоречивости и в то же время цельности, оказался реальной кандидатурой. Если взять абстрактный срез актеров, играющих бандитов и милиционеров, то у них настолько это все вошло внутрь, что мне некоторым актерам даже неловко было бы предложить Мышкина. Какой он Мышкин, у него уже руки по локоть в крови!

— Федя тоже играл бандита в "8 1/2 долларов"...

— Он там нежный бандит, искрен-

ний. И он сам искренний, чистый человек, спокойно смотрящий в будущее. Достоевский же пытался вывести человека будущего, а человек будущего должен быть лишен некоторых недостатков, которые присущи человеку настоящего. Федя — человек, очистившийся от многих вещей. А от многого ему и не надо было очищаться, это я могу подтвердить. Давно его знаю. Еще с картошки.

— То есть фильм получается дружески-семейный?

— А если тебе скажут, что бывают другие фильмы, значит, обманут. Любой фильм — или дружески-семейный, или его нет. Конечно, нет возможности собрать в одном кино всех друзей и товарищей, но когда такая возможность предоставляется хотя бы частично, ею нужно пользоваться. Не бывает недружественного кино. Можно подружиться или переругаться по ходу съемок, можно сделать это все заранее. Но на площадке должны присутствовать эмоции. И Сашу Баширова на роль Фердищенко мы взяли по тому же принципу — все были на одной картошке. Несмотря на то, что Саша в Питере, я в Москве и мы видимся редко, из жизни друга не вычеркнешь — детские и полудетские воспоминания лучше всего запечатлеваются. А "Идиот" — вещь непростая и вызывает некоторую осторожность, и поэтому нужно чувствовать плечи друзей, потому что aby кто же может отнестись к работе халатно и загубит дело. А если друг отнесется халатно, ему по-дружески можно объяснить, что он не прав, и он поправится. Моя команда сейчас в стадии формирования, и каждый раз, когда я начинаю фильм, появляется ощущение приближающейся катастрофы. На предыдущей картине артисты были такие молодые! Нет, у них было актерское образование, но артистами они на тот момент в полном смысле слова не являлись. Меня спрашивали: "Что, у тебя настоящие призывники играли?" Я говорил: "Да, конечно, призывники, абсолютно не актеры". Здесь ситуация другая. Здесь все — режиссеры. А еще и актеры, и сценаристы, и общественные деятели, сложившиеся личности, имеющие свой взгляд на режиссуру, на работу художника, оператора. И на свою собственную, конечно.

— Не возникнет ли проблемы, чей в результате получится фильм?

— Такая проблема не может возникнуть. Не бывает так — фильм дрянный, но замечательная музыка. Значит, фильм — дрянь. Фильм либо есть, и автор у него режиссер, либо фильм не получается. А если автора нет, тогда развал, затаения, и громкий выстрел на закате.

— В "Даун Хаусе" также снимаются Ежи Штур, Юозас Будрайтис, Барбара Брыльска. Как классически воспитанные и уже вышедшие из юного возраста люди шли в молодежное кино?

— Уговаривать никого не приходилось. Старость — она в голове, а не в

паспорте. Я, к примеру, знаю множество молодых сундуков с отсутствием чувства юмора и чувства такта. А насчет молодости — фильм настолько же молодежный, насколько и пенсионерский, потому что и молодежь, и пенсионеры — все разные. И я не знаю ни молодых, ни старых, ни людей среднего возраста, которые отказались играть в этом фильме. Возможно, они и существуют, но мне они не встречались.

— О названии твоей картины тебя наверняка будут спрашивать неоднократно. Его можно перевести как "сумасшедший дом"...

— Название можно читать как угодно, и разночтение тоже входит в наши планы. Но вообще-то имеется в виду музыка хаус — одно из действующих лиц нашего фильма.

— А почему именно хаус?

— "Даун рок"? Рок уже умер, не смотря на то, что он есть. "Даун диск" — не звучит. А "Даун хаус" звучит: еще и потому, что он реально звучит на дискотеках и под него народ пляшет. Это живая музыка, это образ жизни.

— И делать ее в картине будет...

— Диджей Грив. По очевидным причинам. Я, сказать по совести, в силу возраста — мне уже тридцать три — и в силу того, что последние два года занимаюсь только кино, оторвался от музыки. За это время изменялся сам хаус, появлялись новые течения внутри хауса, и нужно было брать самого крупного специалиста в данной области. Поэтому и Грив. Он в этой музыке разбирается лучше, чем я.

— А как можно определить жанр будущей картины?

— Как нас в школе учили — "Толстой и Достоевский еще не понимали всю важность классовой борьбы, поэтому их реализм носил критический характер, но еще не был социалистическим". И нам настолько запарили мозги классовой борьбой, что слово "реализм" стало практически ругательным. Наш фильм реалистический. А если принять классовый подход к нашей идее, то он еще и социалистический. Он несет в себе критику буржуазной действительности — не революционную, конечно, и призывает все разломать там нет. Но социальные идеи в фильме поднимаются — дележ баб, сжигание денег и прочая распыловка. Что у Достоевского, что у нас — она и классиком, и нами воспринималась соответственно. Так что это постсоциалистический реализм и постреалистический социализм. В одном флаконе.

— Мне по прочтении сценария показалось, что фильм смешной будет.

— Одно другому не мешает. Классика — это всегда или смешно, или грустно. Или смешно и грустно одновременно. Толстой и Достоевский писали смешные вещи. Классика вызывает эмоции, на то она и классика.

Беседу вела
Жанна СЕРГЕЕВА